

Евгений Карнович

Охота на вепря

*Часть сборника
Очерки и рассказы из
старинного быта Польши*

Очерки и рассказы из старинного быта Польши

Евгений Карнович

Охота на вепря

«Public Domain»

1873

Карнович Е. П.

Охота на вепря / Е. П. Карнович — «Public Domain»,
1873 — (Очерки и рассказы из старинного быта Польши)

«Дремучие, пустынные леса служили не раз убежищем для окрестных жителей, когда военная гроза гремела над Польшей... Невдалеке от этих лесов, лет полтораста тому назад, стоял на пригорке пышный замок воеводы Ильговского. Много видел на своём веку пан Ильговский, много повоевал он и побывал в разных землях и потом на старости лет приехал отдохнуть в своём наследственном замке, и любимой его забавой была охота в соседних, дремучих пущах...»

Евгений Петрович Карнович

Охота на вепря

Длинной и широкой полосой тянулись в былое время за левым берегом Вислы к подножью Карпат Придольские леса. Проредели они потом, но всё же и теперь ещё представляют местами густую, а иногда и непроходимую чащу. Мало в глубине этой чащи просторных тропинок, только в недалеком расстоянии от опушки леса извиваются они как змейки, то перекрещиваясь, то расходясь во все стороны, то теряясь в густой траве и плотной поросли, то исчезая на выползших из земли и обнажённых корнях вековых дубов и сосен. Пуста и безмолвна эта лесная глубь, изредка разве заберётся в неё окольный крестьянин для поживы хворостом, да промелькнёт среди зелени и древесных стволов охотник, отыскивая лося или берлогу залёгшего вблизи медведя.

Если бы иной мечтатель захотел летнею порою побродить в этих лесах, то наверно их тишина, их свежесть и живописная их прелесть навяли бы на него поэтические думы и чудные грёзы; но не легко бы выбрался он из чащи на какую-нибудь поляну, долго бы пришлось ему кружиться на одном и том же месте, и не раз попадался бы он в такую трущобу, в которой, быть может, до него никогда ещё не ступала нога человека.

В ином месте, среди этих вековых лесов, медленно струящийся ручей неожиданно пересекает и без того уже трудно проходимую тропинку. За ручьём на большом пространстве тянется вязкая топь, а между тем нет ни мостика, ни жёрдочки; идти дальше нельзя; а по свежесодранной коре с близстоящего дерева видно, что ещё очень недавно посетил это затишье медведь, которого, чего доброго, снова заманит сюда чутьё лакомой добычи.

Невольно, в тяжёлом раздумье останавливается здесь прохожий и дрожащим голосом шепчет усердную молитву, а вечерняя заря быстро гаснет на верхушках деревьев и подходящие украдкой сумерки наполняют лес сгущающеюся мглою. И вот в памяти одинокого прохожего оживают все страшные предания и все суеверные рассказы об этом таинственном боре. Счастлив он, если засветло успеет напасть на следы человека, который проходил прежде него в этой пуще и был так осторожен, что войдя в неё делал топором зарубки на деревьях, чтобы потом с помощью этих меток, выбраться из незнакомой дебри.

Изредка небольшая поляна пересекает сплошную гущу леса. Пустынно, но вместе с тем весело расстилается эта поляна зелёным ковром, испещрённым дикими цветами. И почему-то становится жаль помять ногою эту густую, высокую траву и эти простенькие цветы, выросшие в таком приволье. Иногда на этой поляне виднеется хата пасечника с несколькими десятками ульев, и тогда тишина нарушается жужжаньем пчёл, которое, долетая до слуха прохожего, кажется ему то гулом неопределённых, далёких звуков, то людским беспокойным говором.

Старый пасечник давным-давно поселился в этой глуши и полюбил её так сильно, что не променял бы её ни на блестящую Варшаву, ни на шумные города Польши, ни на суетливые её местечки, в которых, с утра до поздней ночи, снуют и копошатся евреи.

Несмотря на уединённую жизнь пасечника, его хорошо знают все окольные крестьяне; он слышит у них за знахаря; и действительно, старику известны и вредные, и целебные силы лесных трав и кореньев; он заговаривает ужаленных змеями; он умеет за несколько дней угадать погоду и ненастье; он лечит всех и каждого от разных телесных недугов, а молодых и от сердечных зазноб. Старик твёрдо знает все извилистые тропинки леса и, как носится молва, может показать те места, где зарыты богатые клады. Но старик пасечник не говорлив, от него ничего не добьёшься.

В проредях леса виднеется иногда приземистый шалаш, который кажется служит скорее притоном дикому зверю, нежели убежищем человеку. В этом жалком шалаше поселился на летнюю пору забредший откуда-то еврей; он жжёт уголья и гонит смолу, он трудится без устали

день и ночь, но недоверчивая молва отзывается о нём по-своему: одни рассказывают, что будто бы этот исхудалый бедняк оберегает несметные сокровища, запрятанные в лесу давным-давно, когда на польском престоле сидела Ядвига с Ягелло. Другие говорят, что он, забравшись в дремучий лес, подделывает монету. Бедняк знает недобрую молву; он и сам, как кажется, не доверяет никому и с трусливым беспокойством оглядывает тех, которые проходят мимо его шалаша.

Зимой снег заносит и лесные тропинки, и поляны; тяжёлыми хлопьями ложится он на раскидистые ветви сосен. В эту пору, чарующая летняя прелесть леса заменяется печальной сонливостью; здесь нет уже душистой свежести, здесь не слышно весёлого щебетанья птиц, и не носятся рои игривых мошек; всё притихло, всё мёртво, и только иногда на белой пелене снега виднеются следы пробежавшего волка.

Эти дремучие, пустынные леса служили не раз убежищем для окрестных жителей, когда военная гроза гремела над Польшей...

Невдалеке от этих лесов, лет полтораста тому назад, стоял на пригорке пышный замок воеводы Ильговского. Много видел на своём веку пан Ильговский, много повоевал он и побывал в разных землях и потом на старости лет приехал отдохнуть в своём наследственном замке, и любимой его забавой была охота в соседних, дремучих пущах.

Воевода был вдов и приближался к могиле с печальной мыслью, что со смертью его угаснет род Ильговских, так честно и доблестно служивший отчизне в течение нескольких веков.

Наступала осень, а с нею подходил и день св. Андрея, именины пана воеводы; набожный и богатый Ильговский всегда с большою торжественностью праздновал день своего патрона, а на этот раз ему почему-то хотелось отпраздновать свои именины с большею пышностью, нежели в прежние годы. К этому дню в замок воеводы должно было съехаться множество гостей из близких и далёких сторон; для них приготавливались всевозможные запасы в несметном количестве. Не говоря уже об огромных бочках прадедовского венгерского вина и столетнего мёда, в замке воеводы, для угощения приезжих, было назначено: полусотня волов, стадо баранов, двадцать лосей, десять вепрей и бесчисленное количество зайцев и рыб. Ещё за три недели до съезда гостей, все окрестные мельницы принялись махать крыльями и шуметь колёсами, заготавливая муку, а из близких прудов и дальних озёр таскали беспрестанно невода, наполненные множеством разных рыб. Огромные залы замка, остававшиеся обыкновенно запёртыми в течение целого года, были теперь отворены, и многочисленная прислуга хлопотливо сметала пыль, покрывавшую стены этих зал и насевшую толстым слоем на богатое их убранство, а также уставляла в столовой бочки с серебряными и даже золотыми обручами, наполненные дорогим венгерским. Кравчий воеводы, занимавшийся расстановкою бочек, особенно заботился о том, чтобы они были размещены по старшинству лет налитого в них вина.

За несколько дней до св. Андрея потянулись к замку со всех сторон щёгольские колымаги и простые тележки, наполненные родственниками, друзьями и знакомыми Ильговского. Число гостей не могло затруднить воеводу, богатые поместья которого раскидывались без перерыва в длину почти на тридцать в ширину слишком на двадцать миль, и у которого в подвале замка, за железными дверями и крепкими запорами, стояли бочонки серебра и золота.

Воевода, как мы сказали, был бездетен, и потому множество близких и дальних родных, и с отцовской, и с материнской, и даже с жениной стороны, с нетерпением выжидало кому-то он откажет своё громадное богатство. Все родственники наперерыв один перед другим увивались около старика, и каждый из них, рассчитывая быть единственным наследником, не без злобы поглядывал на своих соперников.

Но кроме родственников, пан-воевода был окружён ещё толпой чужой ему молодёжи из шляхты; не одного уже голыша-шляхтича вывел он в люди или наделил достатком, за то, что тот служил ему верой и правдой и отличался удачью и отвагой. Но никто однако из всей молодёжи, жившей в замке богатого пана, не пользовался в такой степени его любовью, как пользовался ею

пан Яцек Илинич, статный и красивый юноша. Для него было пустяки – вскочить на степного, неукротимого скакуна, и через несколько времени обратить его в трусливого барана; не стоило ему большего усилия вышибить из седла одним ударом своего противника; он считал забавой встречу с неприятелем втрое сильнейшим. Но не одной только удачью отличался пан Яцек, он и в мазурке был первый, и все заглядывались на него, когда он пускался в пляс, подхватив пригожую паненку.

Старик Илинич владел в соседстве с воеводой маленькой наследственной деревней. Когда Яцек подрос, Илинич привёл сына в замок Ильговского и, поклонившись старосте, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.